

ЛОГИКА И ПРАВО*

Е. В. БУЛЫГИН**

Доклад посвящен вопросам влияния логики на различные области права. Автор отстаивает тезис, в соответствии с которым логические идеи Аристотеля, в особенности теория дедуктивного рассуждения и представление об идеале науки, оказывали существенное воздействие на право вплоть до второй половины XIX в. Наиболее значительным фактом, подтверждающим это, следует считать Гражданский кодекс Наполеона, в котором представление Аристотеля о системе отразилось наиболее полно. Современный этап взаимоотношений логики и права начинается с выхода работы «Деонтическая логика» Г. Х. фон Вригта, в которой с помощью современных логических техник анализируются понятия нормы, разрешения, запрета, обязательства, правовой системы и др. Результаты этого анализа сформировали смежную исследовательскую область — деонтическую логику. Ее центральной проблемой стала так называемая дилемма Йоргенсена, выработка приемлемого подхода к которой позволила К. Альчуррону создать логические системы для норм без истинностных значений и для высказываний о нормах. В настоящий момент благодаря усилиям логиков и философов права некоторые логические проблемы норм успешно решены, другие все еще требуют решения. К последним относится круг проблем, связанных с понятием правовой системы. Автор предлагает толкование правовой системы как правового порядка, который может быть представлен в виде временной последовательности множества множеств норм. В докладе содержится утверждение, что возможные противоречия подобного толкования, на которые указывали Х. Зулета и Х. Родригес, можно преодолеть посредством введения ряда определений для критерия идентичности нормы и для отношения принадлежности нормы системе норм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: деонтическая логика, логика норм, правовая система, про-
бел в праве, дилемма Йоргенсена, противоречие норм.

* Пленарный доклад, прочитанный на международном симпозиуме «Философия и современное международное право» (Санкт-Петербург, 13–14 мая 2013 г.).

** Булыгин Евгений Викторович — доктор юридических наук и социальных наук, почетный профессор Университета Буэнос-Айреса, философ права.

Bulygin Evgeny Viktorovich — Doctor of legal and social sciences, Professor Emeritus, University of Buenos Aires, legal philosopher.

© Bulygin E. V., 2013

E-mail: ebulygin@gmail.com

Перевод с англ. канд. филос. наук, ассистента кафедры логики философского факультета СПбГУ Г. В. Карпова (glebsight@gmail.com).

Перевод осуществлен при поддержке РГНФ, проект 13-03-14013.

Переводчик благодарен Е. В. Булыгину и Е. Н. Лисанюк за ценные замечания и комментарии.

© Карпов Г. В. (перевод), 2013

BULYGIN E. V. LOGIC AND LAW

The report is devoted to the issues of influence that logic has on various fields of law. The author asserts that Aristotle's logical ideas (in particular, the idea of deductive inference and the concept of scientific ideal) effected essentially on law up to the second half of the XIXth century. The most significant fact that verifies this influence is The Napoleonic Code which reflects Aristotle's notion of a system to the fullest extent. The modern stage of interrelations between logic and law was initiated by von Wright's paper "Deontic Logic" where contemporary logical tools were used to analyze the notions of a norm, a permission, a prohibition, an obligation, a legal system etc. The results of this analysis made up a new field adjacent to logic and law — the deontic logic. An acceptable approach to its main problem — Jorgensen's dilemma — allowed C. Alchourron to construct logical systems for norms without truth values and for statements about norms. At present thanks to the joint efforts of logicians and philosophers of law some logical problems of norms have been solved, but still there are other problems that have to be solved. One of them is the problem of a notion of a legal system. The author proposes an interpretation of a legal system as a temporal sequence of norms or set of sets of norms and contends with H. Zuleta and J. Rodríguez who have revealed potential contradictions in this interpretation. All disadvantages of such definition may be overcome by defining accurately the criterion of the norms' identity and the relationship of the norm's inclusion in the set of norms. KEYWORDS: deontic logic, logic of norms, legal system, legal gap, Jorgensen's dilemma, contradiction within norms.

Логика и право имеют долгую общую историю, но их воздействие друг на друга было преимущественно односторонним. За исключением начала их общей истории и практически на всем ее протяжении (не считая последних пятидесяти лет) именно логика оказывала влияние на правовое мышление. В V–IV вв. до н. э. споры в греческих городах на базарных площадях и в судах породили множество размышлений среди софистов на темы, связанные с языком и истиной, что привело к возникновению целого ряда парадоксов, среди которых знаменитый парадокс лжеца. Но в период с IV в. до н. э. по XIX в. н. э., т. е. на протяжении более чем двух тысяч лет, именно логика оказывала влияние на правовое мышление. В основе этого влияния находился Аристотель с его теорией дедуктивного рассуждения (силлогизма) и теорией науки (аксиоматическая система), которые имели очень глубокое влияние на мышление в общем и правовое мышление в частности.

Любая система (с точки зрения Аристотеля) есть множество предложений, которое удовлетворяет следующим условиям: 1) предложения должны соотноситься с конкретной областью действительности; 2) они должны быть истинны; 3) логические следствия этих предложений должны также принадлежать системе; 4) должно существовать конечное множество таких предложений (принципов или аксиом), истинность которых настолько очевидна, что не нуждается в доказательстве, а все прочие предложения, принадлежащие системе (теоремы), можно было бы обосновать, связав их с данными предложениями с помощью логического вывода. Ясно, что в качестве образца такой системы Аристотель имел в виду геометрию Евклида. Но то, что сформулировал Аристотель, было общей теорией науки, приложимой ко всем наукам. Понадобилось много времени для того, чтобы появились новые науки, соответствующие аристотелевской программе, однако она сохранялась в качестве идеала рациональной науки в течение длительного времени.

Около 1600 г. аристотелевский идеал науки переживает первый большой кризис, вызванный рождением эмпирической науки — естествознания, которое продемонстрировало невозможность исполнения всех четырех аристотелевских условий: новая физика Галилея и Ньютона отказалась от четвертого постулата очевидности и выводимости. Открытие неевклидовых геометрий в XIX в. поставило под сомнение постулат о необходимости соотношения с действительностью. Но юридическая наука еще продолжала рассматриваться какое-то время как рациональная наука, цель которой заключалась в открытии «рационалистических» принципов естественного права. Известные системы рационалистического естественного права (Гроций, Альтузий, Пуфендорф) продолжили традицию схоластических теорий естественного права. Крупные изменения пришли вместе с кодификацией Наполеона. Испытывая влияние великих мыслителей эпохи Просвещения, кодификация включила в себя четыре основные идеи: идею замещения принципов естественного права правом (позитивным), созданным человеком; идею разделения властей (в особенности разделения между законодательной и судебной властью); идею четкого различия между созданием и применением права; теорию судебного силлогизма. Право представляется в качестве множества всех общих юридических норм, созданных представителями народа (парламентом). Задача судьи заключается в применении права к отдельным случаям. Однако для того, чтобы судьи могли выполнить установленную для них задачу, право должно предоставлять решения для всех юридических проблем: это значит, что должно существовать одно и только одно решение для каждой правовой проблемы. Это влечет за собой требование полноты и непротиворечивости, предъявляемое к праву как множеству всех общих юридических норм. Если право не содержит норму, решающую проблему (т. е. если существует то, что традиционно называется пробелом в праве (*legal gap*)), или если в нем содержатся две и более нормы, которые применяются к одному и тому же случаю и которые несовместимы между собой (конфликт прав), то судья оказывается не в состоянии решить проблему простым применением права. Гражданский кодекс Наполеона был первой серьезной попыткой создания правовой системы, которая позволила бы судьям применять право, не изменяя его. Таким образом, логические идеи непротиворечивости и полноты заняли очень важное место в юридической практике. К несчастью, трактовка правоведами этих идей была гораздо менее удовлетворительна: она была неполна и иногда даже противоречива. Неполна, так как само понятие неполноты никогда не определялось удовлетворительно, различаясь в зависимости от вида пробела в праве; противоречива, так как некоторые философы права защищали точку зрения, в соответствии с которой в праве не признавалось существование пробелов или противоречивых решений, поскольку подобные ситуации могут быть устранены судьей посредством толкования. Но возможность устранения уже предполагает то, что пробелы и противоречия могут встречаться. Вместо того чтобы задаваться вопросом о значении терминов «неполнота» и «противоречивость», юристы и философы права объявляют категорически (в силу умозрительных причин) все правовые системы обязательно полными и непротиворечивыми. Даже такой выдающийся философ, как Ганс Кельзен, на протяжении всей своей (достаточно долгой) жизни отстаивал точку зрения, в соответствии с которой правовые системы признаются с необходимостью полными; возможность конфликтов в праве он осознал очень поздно, когда ему было уже больше 80 лет.

Во второй половине XIX в. началось, как это хорошо известно, гигантское расширение логического знания, которое не нашло симметричного отклика в среде ученых-юристов. Символическая логика в течение длительного времени оставалась почти неизвестной теоретикам права и философам. Этот заслуживающий сожаления разрыв между логикой и правом существовал на протяжении приблизительно сотни лет, и только во второй половине XX в. ситуация начала меняться. Публикация Георгом Хенриком фон Вриггом работы «Деонтическая логика» (1951) обычно рассматривается как рождение новой ветви логического знания (деонтической логики, которая имеет своим предметом нормы и нормативные понятия) и как начало новой эры во взаимоотношениях логики и права.

В течение последних 60 лет появилось значительное количество книг и статей, анализирующих нормативные понятия, такие как «норма», «разрешение», «запрет», «обязательство», «компетенция» и т. д., с помощью логических техник. Само понятие «правовая система» стало центром сосредоточения интересов большого количества философов права. Книги Г. Х. фон Вригга («Норма и действие», 1963), Дж. Раза («Понятие правовой системы», 1970), К. Э. Альчуррона и Е. Булыгина («Нормативные системы», 1971) и Л. Линдаля («Положение и изменение», 1977) в числе прочих были чрезвычайно влиятельными трудами, и вскоре за ними последовало огромное количество публикаций, посвященных логическим аспектам права. Показательно, что эта тенденция практически полностью замыкается на Европе и странах Латинской Америки. Влияние логики на англо-американское правоведение по-прежнему незначительно. Но я надеюсь, что книга моих учеников Пабло Наварро и Хорхе Родригеса «Деонтическая логика и правовые системы», которая вскоре будет опубликована в издательстве Кембриджского университета, поспособствует тому, что этот разрыв сократится.

Развитие деонтической логики было обусловлено тем, что известно как дилемма Йоргенсена. С одной стороны, со времен Аристотеля логика основывается на понятии истины: фундаментальные логические понятия логического следствия, следования, противоречия и логических союзов (отрицания, конъюнкции, дизъюнкции и т. д.) заданы в терминах истинности. И если нормы, как предписания, не рассматриваются как истинные или ложные, то в таком случае не может быть никакой логики норм. С другой стороны, в пользу существования логики норм, скрывающейся за обычным языком, говорят следующие два факта: во-первых, в нормативных контекстах пропозициональные связи часто используются, по-видимому, с тем же значением, что и в дескриптивных рассуждениях; во-вторых, нормы встречаются в качестве посылок и выводов в таких умозаключениях, которые выглядят логически правильными.

Всю историю деонтической логики можно рассматривать как борьбу с дилеммой Йоргенсена. Некоторые ученые, например Кельзен, в самом деле приняли первую альтернативу дилеммы и утвердились в своей скептической позиции по поводу возможности логики норм. Другие предпринимали не очень удовлетворительные попытки заменить понятие истины иными понятиями, например, понятием удовлетворения или обоснованности. Фон Вригг в 1957 г. высказал предположение о том, что логика «имеет большую область влияния, чем та, которая обеспечивается ей понятием истины»;¹ но именно Карлос Альчуррон был первым, кто разработал

¹ von Wright G. H. Logical Studies. London, 1957. P. VII.

две логические системы: одну — для норм без истинностных значений, другую — для истинных или ложных высказываний о нормах (нормативных высказываний).²

Сегодня различие норм и нормативных высказываний признается в большинстве случаев, однако по вопросу формализации обеих логик по-прежнему идут дискуссии. Некоторые логические проблемы, связанные с нормами, были успешно решены, например, проблема статуса разрешения и запрещения или проблема квалификации различных видов неопределенности (пробелов). Но существует множество других проблем в области норм, требующих решения, например: проблема, связанная с понятием противоречия между нормами, проблема формализации условной нормы, идея отменяемой нормы, т. е. нормы, теряющей силу при определенном условии, и — последняя, но не менее важная — проблема, сложившаяся вокруг понятия «правовая система». Я коротко остановлюсь на некоторых вопросах, связанных с последним — чрезвычайно сложным — понятием.

Два года назад здесь, в Санкт-Петербурге, я представлял работу, посвященную этой проблеме. Поэтому я лишь вкратце обозначу ее саму и ее решение, предложенное Альчурроном и мной. Так как правоведы часто упоминают термин «система», его использование, в силу частоты употребления, неоднозначно и отсылает к различным понятиям. Одно из них — это понятие множества норм, соотносенных с конкретным моментом времени, понятие, которое Джозеф Раз обозначал как «одномоментная (*momentary*) система». Это нединамическое понятие: кратковременная одномоментная система прекращает свое существование, как только добавляется новая норма к множеству норм или как только норма, принадлежащая данному множеству, удаляется из него посредством отмены. Однако существует и другое понятие — понятие динамической системы, которое мы обозначили как «правовой порядок»; оно продолжает пребывать во времени, несмотря на изменения в его содержании. «Правовой порядок» не является множеством норм, он есть временная последовательность (т. е. множество) множеств норм.

Эта идея недавно критиковалась с двух разных позиций двумя моими коллегами и близкими друзьями Уго Сулета и Хорхе Родригесом. Вы знакомы с критической позицией Сулета, так как слышали его выступление несколько минут назад; к сожалению (или, может быть, к счастью для меня) Родригеса здесь нет.

Сулета не принимает идею правовой системы как динамической последовательности на том основании, что сами последовательности есть лишь множества, и, таким образом, изначальная проблема возникает вновь: введение нормы в действие посредством издания или отмены ведет к образованию нового множества норм и, следовательно, к их новой последовательности. Должен сознаться, что я испытал потрясение, когда впервые услышал критические замечания Сулета, однако после бессонной ночи я нашел ответ на его возражение. Идентичность последовательностей определяется не идентичностью множеств норм, а идентичностью критериев их идентификации. Это означает, что до тех пор, пока эти критерии неизменны, мы имеем дело с теми же самыми последовательностями, даже если системы этих последовательностей различны вследствие применения к ним одного и того же критерия в разные моменты времени. В общем, су-

² *Alchourrón C. E. Logic of Norms and Logic of Normative Propositions // Logique et Analyse. 1969. Vol. 47. P. 242–268.*

ществуют три критерия идентичности: 1) первая историческая конституция (*constitution*, в терминологии Кельзена), являющаяся началом последовательности (началом правового порядка); это начало есть множество норм, определяющее орган (или органы) и процедуры создания общих правовых норм, входящие эти первоначальных норм в систему определяется экстенционально, т. е. путем простого перечисления; 2) законность изменения; нормы, принадлежащие системе, могут быть изменены полномочными органами посредством актов отмены, издания или через внесение поправок; 3) логический вывод; логические следствия действующих норм являются действующими нормами; это означает, что каждое нединамическое множество, именуемое «правовой системой», является дедуктивной системой, включающей в себя все свои логические следствия.

Два последних критерия являются чисто умозрительными, так что намеренно изменен может быть только первый критерий, имеющий отношение к начальной системе (первой конституции). Именно он и есть критерий идентичности последовательности, которая может быть определена как последовательность (множество) всех систем, содержащих первую конституцию. Первая конституция может быть на законных основаниях изменена, если она сама обеспечила себя средством изменения. Но если первая конституция изменяется незаконно (например, посредством революции или государственного переворота), тогда мы наблюдаем присутствие новой последовательности, т. е. нового правового порядка. Итак, перед нами последовательность правовых систем, которая сохраняет свою идентичность, несмотря на то что содержание принадлежащих ей систем изменилось. До тех пор пока будет сохранена первая конституция, будет сохраняться и тот же самый правовой порядок.

Более сложной является проблема, поднятая Родригесом. Его идея заключается в том, что производные нормы, т. е. логические следствия действующих норм (действующих в смысле их включенности в систему), не принадлежат системе (не являются действующими нормами), а принадлежат лишь множеству *применяемых* норм. Применяемые нормы суть те, которые используются органами правосудия для решения частных случаев. Множество применяемых норм не обязательно идентично множеству действующих норм, т. е. норм, принадлежащих системе, так как возможны ситуации, когда судьи обязаны применять и отмененные нормы, и даже нормы, принадлежащие другому правовому порядку. Идея различия применимости и действительности нормы как принадлежности системе была предложена мной³ и позднее разработана Х. Х. Морезо и П. Наварро. Так что Родригес в определенном смысле использует мое собственное оружие для того, чтобы нападать на наши (Альчуррона и мои) идеи. Из-за недостатка времени я не могу обсудить эту проблему в деталях, но у меня есть впечатление, что это возражение не является таким серьезным, каким оно выглядит на первый взгляд. В любом случае, Родригес подтверждает важность логических следствий установленных (т. е. действующих) норм; вопрос о том, принадлежат эти следствия системе или нет, по-моему, не является чрезвычайно важным вопросом. Я выдвинул несколько аргументов в поддержку нашей исходной позиции, однако от их разбора я вас избавляю.

³ *Bulygin E. Time and Validity // Deontic Logic, Computational Linguistics and Legal Information Systems. Vol. II / ed. A. A. Martino. Amsterdam; New York; Oxford, 1982. P. 65–81* (переведено на русский отличной командой Елены Лисанюк и опубликовано в: «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. Сб. переводов / К. Э. Альчуррон, Е. В. Булыгин, Д. Макинсон, П. Герденфорс; под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб., 2013).